

АРКАДИЙ ГАЙДАР

ПЕРЕБЕЖЧИКИ

Аркадий Петрович Гайдар

Перебежчики

Аннотация

«Я только что сел за поданный доброй хозяйкой ломоть горячего хлеба с молоком, как в дверь с шумом ворвался подчасок и крикнул:

– Товарищ командир! Подбираются белые, прямо так по дороге и прут человек двадцать.

Я выскочил. Пост был шагах в сорока, у стены кладбища. Первый взвод уже рассыпался вдоль каменной ограды, и пулеметчик, вдернув ленту, сказал:

– Эк прут! От луны светло, всех дураков тремя очередями снять можно. Разреши, товарищ командир, пропустить пол-ленты...»

Аркадий Гайдар

Перебежчики

Я только что сел за поданный доброй хозяйкой ломоть горячего хлеба с молоком, как в дверь с шумом ворвался подчасок и крикнул:

– Товарищ командир! Подбираются белые, прямо так по дороге и прут человек двадцать.

Я выскочил. Пост был шагах в сорока, у стены кладбища. Первый взвод уже рассыпался вдоль каменной ограды, и пулеметчик, вдернув ленту, сказал:

– Эк прут! От луны светло, всех дураков тремя очередями снять можно. Разреши, товарищ командир, пропустить полленты...

– Погоди, – ответил я, – тут что-то дело не то. Уж не перебежчики ли это? Смотри, вон все остановились, а двое вперед вышли.

Два человека, отделившись, шли прямо на нас; на полпути они снимали шапки и подняли их на штыки винтовок.

«Парламентеры от перебежчиков», – решил я окончательно и крикнул:

– Ребята, осторожней с винтовками, не то отпугнете выстрелом!

Парламентеры были рядом, их окликнули.

– Товарищи, – раздался в ответ крик, – товарищи, не стре-

ляйте! Мы свои, мы перебежчики, мы к вам.

Их окружили, расспрашивали быстро, коротко.

– Сколько?

– Восемнадцать! Один раненый.

– Откуда?

– Из четырнадцатого крестьянского.

– Пускай остальные подходят. Винтовки возле той березы побросайте живо...

Оба во весь дух понеслись обратно. Красноармейцы, столпившись кучею, топтались по снегу и с любопытством смотрели, что будет дальше.

– Смотри-ка, тащат что-то!

– Говорили, что раненый.

– Как бы не «максимку», а то как полыснут, вот тебе и будет раненый.

– Не полыснут. Видите, винтовки бросать начинают.

Теперь видно было, как перебежчики, поравнявшись с березой, остановились, разом – подчеркнуто, четко – подняли винтовки и пошвыряли далеко в стороны.

– Эх, вот дурачье-то! Сложили бы на дороге, а то кто за ними подбирать будет?

Подошли. Началась суета.

– Где раненый?

– Давай сюда...

– Стой, занеси в избу, да осторожней, не бревно, чай.

– Давай под голову шинель... или нет, тащи от хозяйки

полушубок.

Пришел лекпом и гаркнул басом:

– А ну, выметайтесь, лишние... Что-о?! Посмотреть?! Когда сам пулю получишь, тогда и посмотришь.

Раненый был без сознания.

– Как? – спросил я лекпома.

– Плох, – покачал головой тот. – Пробито легкое...

Я вышел на улицу. По дороге встретил комиссара полка.

– Зайдем, – сказал он мне, – сейчас с перебежчиками разговаривать буду.

Зашли. Все разом поднялись.

– Сидите, – сказал комиссар добродушно и удивленно. –

Что я вам, генерал, что ли?

Разговор сначала не завязывался, перебежчики отвечали коротко и односложно, как будто бы боялись лишним необдуманным словом навлечь на себя гнев.

– Так зачем же вы, братцы, перебежали? – хитро сощурившись, спросил комиссар. – Служба, что ли, там хуже или хлеба меньше дают? Так и у нас ведь не больно разъешься.

По-видимому, последнее замечание задело кое-кого за живое, потому что несколько голосов ответили горячо, оправдываясь:

– Тут дело не в пайку.

– Нам с ними нет интереса.

– Они за свое, а мы за свое.

– У их офицеры лютые, хуже, чем при режиме.

Завязалась оживленная беседа. Перебежчики расспрашивали и рассказывали сами.

– У них Буденного дюже боятся, говорят, что будто беглый каторжник посадил на коней арестантов и носится.

– Так что же они от каторжника утекают?

– Они говорят, что это только для видимости, как бы заманивают его на Кубань, а там казаки им покажут...

– А кто это раненый у вас? – спросил я. – Где его?..

Отвечало сразу несколько голосов:

– Так это же отделенный наш!

– Самый главный во всем этом. Из-за него, можно сказать, перебегли мы. Сам он казак, однако всегда сговаривал нас, чтобы перебежать. Мы всё не решались, наконец сегодня говорит прямо: «Если вы не хотите, перебегу один». Ну, мы согласились, когда уж такое дело, – собрались и пошли под видом разведки. Только-только заставу перешли, откуда ни возьмись, ротный на коне, посты проверял. Взяло его подозрение, какая такая разведка. «А ну, марш по домам!» Мы было заколебались, а отделенный наш возьми вскинь винтовку да как грохнет по офицеру, тот так и тюкнулся.

Ну, мы видим – ворочаться поздно. Давай ходу. Застава по нам огонь открыла, мы по ней. Совсем было за бугор забежали, да вздумалось ему еще раз по белым стрельнуть. Только остановился, как его пулей и прихватило. Подхватили мы его и понесли. Дорогой память ему отшибать стало, и все просился: «Братцы, донесите до товарищей! Не могу на белой

земле помирать, хочу к своим».

Крови много вышло, помрет, должно быть... Так хотел с красными заодно, а не пришлось, видно.

И глухо поддакнула с горечью вся изба:

– Так хотел, а не пришлось...

Я вышел на улицу. Было морозно и тихо. Зашел в избу к раненому.

– Плох, – сказал мне стоявший возле него полковой доктор, – совсем плох...

Лампа бросала тусклый, помертвевший свет. Раненый лежал, раскинувшись и полузакрыв глаза.

– Товарищи, – прошептал вдруг он запекшимися губами. – Товарищи!

– Да, да, товарищи, – успокаивая, ответил я.

Нечто вроде слабой, больной улыбки разлилось по его лицу, и он прошептал опять:

– Я тоже ваш...

Потом замолчал, откинулся назад, гневно забормотал что-то несвязное, непонятное, какую-то невысказанную угрозу невидимому врагу, и розоватой, окрашенной кровью пеною окрасились уголки его запекшихся губ.

Я вышел и пошел потихоньку к окраине деревушки.

«Да, ты тоже красный, ты тоже наш, – подумал я. – Кровью и жизнью заплативший за право быть в рядах лучших из нас. А это дорогая, очень дорогая цена, которую сможет дать далеко не всякий».

Возле крайнего домика я остановился и оглянулся.

Бледный круг, спутник сильного мороза, широко охватывал небо возле яркой зимней луны. Молчали скованные снежным покоем поля, застывшие в безветрии. И дорога, по которой лежал наш завтрашний путь, убегала вдаль, изгибаясь, и терялась у смутного горизонта, там, где черный лес окаменел тайною и красные звезды спускались над сугробами низко.

1927